

с рассказом об этой необычной книге. В 1973 году мне в составе группы работников центральных учреждений страны досталось посетить город Братск, и, естественно, Братскую ГЭС. Дома, где нам предоставили возможность разместиться, находились в посёлке Гарримановка. Так называли местные жители два дома, специально построенные и оборудованные для ожидаемого посещения Президентом США Д. Эйзенхауэром и государственным секретарём А. Гарриманом Братской ГЭС, одной из вершин наших достижений в хрущёвские годы (полёт Гагарина был ещё впереди). Я жил в доме, построенном для Гарримана. Так спустя много лет я узнал, что подготовка к обмену визитами лидеров наших стран не была ограничена изданием книги Г. Лонгфелло.

Занимательная статистика

В этом небольшом рассказе автор хочет выступить не как любитель книг, а как любитель статистики. В годы моего детства выходила из печати серия книг для школьников и молодых людей чуть старше, с названиями «Занимательная математика», «Занимательная физика» и т. п.

Их авторы в увлекательной форме рассказывали о той или иной науке, помогая тем самым процессу обучения. Я не помню точно, была ли книга с названием «Занимательная статистика» (по-моему, была), но в свои рассказы о собирании и коллекционировании книг рассказ с таким названием я хочу включить.

Итак, «Занимательная статистика» в жизни собирателя (на моём примере). Прежде всего, о продолжительности этой деятельности. Ранние годы, можно сказать, любительского (а не профессионального) собирания в анализ не включаем. Осознанное собирание библиотеки и коллекции началось у меня в декабре 1947 года (период денежной реформы). Поэтому первый год считаю 1948, последний (надеюсь, не последний) — 2004 год. Итого 57 лет. Эту солидную величину я бы разбил на пять характерных по своей направленности периодов.

Первый, 1948-1959 годы — 12 лет — собирание библиотеки художественной литературы. Этот период характерен большим оборотом книг. Ведь подбирая собрания сочинений русских и особенно иностранных писателей (а покупать их полными в силу недостатка финансовой обеспеченности я не мог) по отдельным томам, книгам или произведениям приходилось их покупать сначала в любом состоянии (в переплёте или без, неполной сохранности страниц или других дефектов), а по мере подборки, иногда в течение довольно длительного срока, когда попадались лучшие экземпляры, я их покупал, а купленные ранее продавал или обменивал. Поэтому, практически ежедневно ходил на книжный рынок по воскресеньям, который собирался (разумеется, нелегально) вначале на Кузнецком мосту (в районе магазина «Книжная лавка писателя»), а потом в Камергерском переулке (тогда в проезде Художественного театра).

Этот рынок, наряду с букинистическими магазинами, был большим подспорьем для любителей, под-

бирающих собрания сочинений или другие серийные издания. Напоминаю, это было более полувека тому назад, и того изобилия томированных изданий, какое имеет место в настоящее время, не было. Кроме того, я говорю о собирании букинистических изданий. Торговцы новыми книгами на рынке в те годы считались книжными спекулянтами и уважением среди любителей не пользовались.

Собирая книги таким образом, т. е. подбирая комплекты до полноты, переплетая их, теперь уже ожидая покупки полного хорошего комплекта (ведь финансовая обеспеченность уже была в виде подобранного комплекта) и проходил мой первый двенадцатилетний период, когда к 1959 году я собрал уже всё, что хотел и, может быть, даже чуть больше.

Второй период, 1960-1964 годы — 5 лет, период перехода от собирания художественной литературы к собиранию русских антикварных книг.

В этот период движение книг было в двух направлениях: я начал изучать и робко покупать антикварные книги XVIII и XIX веков, покрывая эти затраты, потихоньку избавляясь от собранного мною в первый период.

Третий период — основной для собирания коллекции, он продолжался с 1965 по 1986 год, 22 года. За этот период и была создана коллекция, книги практически только приобретались. Так как преимущественно они все в той или иной мере были редкими, то возможность замены купленного ранее экземпляра на лучший была ещё более редка. Кроме того, если покупка лучшего экземпляра всё же осуществлялась, то

продавать купленный ранее экземпляр, как правило, не хотелось. Во-первых, моё благосостояние, соответствующее пику служебной карьеры, было значительно выше, чем в начале, т. е. в пятидесятые годы; и, во-вторых, в условиях постоянно повышающихся цен на антикварные книги малообоснованное расставание с редкой, а значит, и ценной книгой казалось мало привлекательным. Таким образом, можно утверждать, что с 1965 по 1986 годы я книги только приобретал.

Четвёртый период начался для моего собирательства в 1987 году. Этому способствовало, в известной мере, начало аукционной книжной торговли в нашей стране и, в первую очередь, конечно, в Москве и Ленинграде. Так как за 22 предшествующих года мною было куплено очень много редких и ценных книг различного соответствия темам моего собрания, то удержаться, чтобы не попытаться аукционного счастья от продажи не очень подходящих для моей коллекции книг, я не смог. Поэтому, когда на 10м московском аукционе в 1987 году моё «Собрание этнографических трудов» А. Е. Бурцева в 14 томах и издательских переплётах было продано за 3000 рублей вместо 300 рублей по каталогу, я сильно задумался о судьбе своих книг. Я мысленно разделил собрание на 2 части, одну — которую я не продам ни за какие посулы, и другую, которая не была так мне дорога. Эта вторая часть оказалась немалой, и заниматься с нею в смысле расставания, разумеется, наряду с приобретением уже случайно попадающих мне книг хватило 6 лет, до 1992 года.

К этому времени экономико-финансовая сторона, а также социальная разобщённость различных слоёв населения настолько изменилась, что определить однозначно обоснованность приобретения или продажи той или иной книги практически было невозможно. Так, например, если отдельные книги басен И. А. Крылова в издании А. Смирдина в 1830е годы я покупал ранее за 150-300 руб., что соответствовало месячной зарплате рядового инженера, то в 1994 году за книгу басен 1834 года издания малого формата, ранее мною не встречавшегося, я заплатил 40000 руб., и до сих пор не знаю, как определить степень удачности этого приобретения.

И, наконец, пятый период, с 1993 года по настоящее время — самый печальный. В начале его я расстался с коллекцией по частям, так как мне оказались необходимы определённые денежные средства в связи с необходимостью покупки квартиры, лечения от серьёзного заболевания и просто для обеспечения достойного уровня жизни.

На этой точке моей собирательской летописи я нахожусь и сейчас.

Конечно, у меня остались ещё книги, которыми я особенно дорожу, а также и те, которые букинистические магазины не покупают. Это хорошие книги, они радовали читателей многих стран мира 100 и 150 лет, но сейчас у нас в стране иные времена, и другие книги я вижу в руках читателей, сидящих в вагонах метро и пригородных поездов. История и культура, я думаю, со временем расставят всё по местам.

Итак, я, можно сказать, обрисовал будущим читателям прожитые 57 собирательских лет.

Второй статистический аспект, который мне представляется занятным рассмотреть, в отличие от временного фактора — это пространство, где приобретались книги. Прежде всего, это Москва и её 17 букинистических магазинов и букинистических отделов в крупных книжных магазинах. Насколько изменилась эта ситуация в настоящее время, можно увидеть только из одного примера. В начале пятидесятых годов в самом центре города располагались следующие пункты торговли букинистической книгой: магазин № 28 (пожалуй, самый крупный в городе в то время) по адресу: ул. Горького, д. 3 (где сейчас строится пятизвёздочная гостиница), букинистические отделы в книжных магазинах № 1 (ул. Горького, 15) и «Академкнига» (ул. Горького, 8), магазин № 14 (проезд Художественного театра, рядом с театром), а также и магазин № 18 (угол Петровки и Кузнецкого моста, в Петровском пассаже, ныне снесённом). Всего 5 магазинов и все крупные. В момент написания этих строк в этом районе лишь один букинистический отдел в магазине «Москва» на Тверской улице (бывшей ул. Горького), напротив здания мэрии. Из одного этого примера видно, что торговля букинистическими книгами резко сократилась. Я не имею сейчас в виду торговлю редкими и ценными книгами — признанными раритетами, на которые смотрят как на произведения искусства или другие виды вечных ценностей. Люди, занятые этим бизнесом (так и хочется сплунуть, применяя это слово в букинистической торговле; т. е.

созданию широкого рынка книг, уже прочитанных одними хозяевами, и ждущих следующих читателей), объясняют это исключительно высоким уровнем арендной платы за помещения в центральных районах города, и что оправдать эту плату гораздо легче на торговле пивом или «Кока-колой», чем букинистическими книгами.

Между тем, в тех зарубежных странах, где мне представилась возможность побывать в центральных районах европейских столиц, вполне уживаются рядом букинистические магазины и магазины, торгующие вином, пивом и другими напитками. Каким путём экономического регулирования городские администрации тех городов (Париж, Берлин, Мадрид, Вена и ряд других) этого добиваются — не знаю! Но знаю, что добиваются!

Вторым городом, внёсшим значительный вклад в приобретение книг для моей коллекции, был, конечно, Ленинград и его 13 букинистических магазинов и отделов в других магазинах. К сожалению, я очень давно не был в этом городе, и провести сравнительный анализ о судьбе букинистической торговли не могу. Один пример приведу. В первые годы моего знакомства с букинистическим миром Ленинграда только на Литейном проспекте, между ул. Жуковского и Невским проспектом, находились 4 больших букинистических магазина и ещё 2 — за углом на Невском (включая Лавку писателей). Думаю, что сейчас такой концентрации магазинов нет, и по тем же причинам, что и в Москве. В Ленинграде тогда покупать букинистическую литературу имели право почти все книжные

магазины. Многими счастливыми находками я обязан букинистическим магазинам Ленинграда. На протяжении 28 лет мои посещения этого города по разным причинам — служебным, семейным и, главным образом, за поиском книг — имели место более 50 раз. Из очень крупных городов мне приходилось приобретать книги ещё в Париже, в двух магазинах, торгующих русскими книгами. Но в данном случае количество приобретённых различными способами (покупкой, обменом, дарением) книг ограничилось несколькими десятками. Эти книги, как правило, на родине приобрести было бы невозможно или заведомо дорого.

Кроме этих трёх городов, имеющих сети букинистической торговли, мне посчастливилось побывать во многих городах тогдашнего Советского Союза. Это были служебные командировки и поездки в отпуск на автомобиле, которые, как средство активного отдыха, я очень любил. Служебные командировки, как правило, связаны со следующим обстоятельством: в конце 40х — начале 50х годов в СССР было создано общество по распространению знаний (кто помнит кадры из кинофильма «Карнавальная ночь» с лекцией актёра С. Филиппова на тему «Есть ли жизнь на Марсе?»), легко себе представит характер его деятельности). Это общество (впоследствии «Знание») по заявкам предприятий, клубов, общественных организаций различных городов привлекало известных специалистов для читки лекций на запрашиваемые темы. Я же все свои главные трудовые годы проработал в Главном управлении автомобильного транспорта Москвы, которое многие годы (да почти все годы

своего существования) признавалось передовым в отрасли автомобильного транспорта. Так как я считался одним из заметных специалистов в этой организации, то меня часто приглашали для обмена опытом. Таким образом я побывал в Минске, Риге, Вильнюсе, Каунасе, Таллинне, Тбилиси, Ташкенте, Душанбе, Баку, Харькове и Сухуми. Книг я не привёз только из Ташкента, Душанбе и Баку.

Думается, что о моих книжных приключениях в Риге можно рассказать подробнее. Первый раз я попал в Ригу в командировку в 1953 году. Я был послан за реализацией наряда на аппаратуру для местной телефонной станции на завод «ВЭФ» (крупный радиотехнический завод). Мне было 27 лет, и все ипостаси моей карьеры — служебная, семейная, собирательская, любителя женского общества — только начинались. Я сейчас не помню точно, как быстро я справился с задачей командировки, но книжная Рига меня влекла неодолимо. Дело в том, что в годы латвийской самостоятельности (1919-1939 гг.) в Риге было издано большое количество книг на русском языке, особенно переводных. Тех, которых в Советском Союзе не считали целесообразным или возможным издавать. Так, например, из более чем тридцати детективных романов известного английского писателя Эдгара Уоллеса, изданных в Риге, в СССР были изданы только два. Крупная романизированная библиография Стефана Цвейга «Мария Антуаннета» была впервые издана в СССР только в конце 80х годов, а в Риге — в 30е.

Можно привести ещё очень много подобных примеров. Когда после Великой отечественной войны

Латвия вернулась в состав СССР, то любители охотно платили высокую плату за эти книги. Я в Москве не имел возможности их покупать, да букинистическим магазинам и не рекомендовалось их покупать и, естественно, продавать. Поэтому, прибыв в Ригу, устроившись в гостиницу, я ринулся на поиск букинистических магазинов, торговавших книгами на русском языке. Их было несколько, ведь в Риге и тогда половина жителей была русскоговорящей, а во всей Латвии они составляли, как и теперь, одну треть. Но тогда, когда ещё не было предстоящего полувекowego господства СССР в виде КПСС и КГБ, латыши не были столь негативно настроены против русского языка. Конечно, не собирая антикварные русские книги, и, видимо забыв, что Рига более двухсот лет была одним из крупных городов Российской империи, я искал только книги, изданные в Латвии. На удивление, их на прилавках почти не было, и я начал знакомиться с товароведами этих магазинов. В одном из них им оказалась молодая женщина, латышка лет 22–23, весьма привлекательно выглядевшая, и я не удержался, ввиду дальнейшего возможного делового сотрудничества, пригласить её провести вечер вместе. Она быстро согласилась, и я её спросил: «Как мы могли бы это осуществить, ведь я первый (или второй) день в её городе?» Она предложила пойти в ресторан, который располагался на крыше гостиницы, где я остановился. Я немедленно согласился. Представляете моё состояние. Для жителей центральных и восточных районов страны Рига была почти границей, а рижанки — почти иностранки. Я был приятно

взволнован. Ведь предстоял разговор о книгах. Мне уже виделись воздушные замки: я регулярно почтой получаю посылки из Риги, набитые вожаделенными книгами!

Под её руководством мы в ресторане сделали заказ, с которым справились до 10 часов вечера. Обстоятельно поговорив о книгах, я понял, что она знает о них значительно меньше меня, практически ничего не зная про то, что я искал. Я начал с ней прощаться. Но она, к полной моей неожиданности, задала вопрос: «И это всё?» Я, вовремя переключившись на другую волну, предложил продолжить разговор в моём номере. Зайдя в него около 22х часов, проведя несколько приятных минут уже без разговоров о книгах, я вспомнил, что принимать гостей разрешено только до 23х часов. Поэтому, когда мы расставались, то решили, что мы не обо всём ещё договорились и условились встретиться на другой день пораньше. Так и сделали. В 12 часов дня я уже купил необходимые элементы для предстоящих бесед, купил в количестве, позволявшем долгое время оставаться в номере, и стал ожидать её прихода. Она пришла в условленное время, и мы закрылись всерьёз и надолго. Каково же было моё удивление, когда в 11 часов вечера раздался телефонный звонок, и строгий голос администратора (обращаю внимание, женщины) сообщил мне, что у меня гости, и мне надлежит их проводить. К этому времени мы, правда, уже условились о характере наших будущих деловых связей, но чувство сожаления о преждевременном расставании сохранилось. Было уже довольно поздно, когда я её отвёз домой.

Окончание этой романтической истории было таковым. На будущие книжные посылки я оставил 100 руб. (больше уже не было) и московский адрес (разумеется, до востребования). Через некоторое время я получил одну книгу в очень хорошем состоянии — роман англичанки Оливии Уэдсли «Ты и я». На нём стояла цена магазина, 20 руб., и я стал ждать ещё книг на свои 100 рублей. Ждал очень долго и не дождался. На этом закончилось это моё знакомство.

Две последние ремарки: книга, стоившая в Риге 20 руб., стоила в Москве 100 руб., так что тут я остался не в плюсе, но и не в минусе; в начале девяностых именно по этому экземпляру был набран текст романа в составе собрания сочинений этой писательницы, выпущенного издательством «Терра».

Мой второй приезд в Ригу был спустя 20 лет, в 1973 году. В этот раз я был приглашён министерством автомобильного транспорта Латвии для проведения серии консультаций. Меня достойно встретили, определили в гостиницу и для первого дня пребывания предложили, как бы «с дороги», на неофициальную программу. Но я, согласившись с ними, попросил часа два для знакомства с букинистическими магазинами.

В результате объезда (мне был предоставлен автомобиль), я купил несколько, на этот раз старых русских книг, получил адрес вдовы недавно скончавшегося мужа-адвоката, обладателя значительного собрания книг, успел её навестить и договориться,

что я приду к ней вечером, что, как оказалось, сделал неосмотрительно.

Обед, баня, а самое главное,— потребление Рижского бальзама вместо водки в каком-то количестве—сделали меня мало адекватным. Несмотря на это, меня доставили к её дому и пожелали удачи. Дама меня встретила чаем с вареньем, что несколько ослабило моё напряжение. Осмотревшись, я увидел богатый дом с явным оттенком интеллигентности. Мне следовало извиниться и зайти в другой раз, но остановить меня у книг было трудно. Хозяйка это уловила и согласилась продать только одну вещь. Она, видимо, хорошо ориентировалась в порядке цены на неё, что сказалось на том, что она без колебаний её назвала. Вещь-то была редкая и ценная—полный комплект журнала «Жар-птица» в двух переплётах. Цена для меня оказалась подходящей, и я без колебаний заплатил её, оставшись совсем без денег, надеясь на рижских хозяев. Больше она ни о чём разговаривать не пожелала, как и не пожелала получать радости от дальнейших встреч со мной. Так я оказался жертвой рижского бальзама; разумеется, я никогда больше не употреблял его в таком количестве и качестве.

Одна из купленных в тот период книг оказалась довольно редкой, и то, что она числится в составе библиотеки А. С. Пушкина, придавало ей особую значимость. Но узнал я про это после того, как нерасчётливо расстался с ней. У меня её до сих пор нет, а комплект журнала «Жар-птица» живёт у меня и поныне. После этого приезда я ещё несколько раз бывал

в Риге, но похвастаться интересными приобретениями не могу.

Кроме перечисленных городов, мне удалось приобретать книги ещё в Иваново, Курске, Костроме, Владимире, Уфе, Гродно, Пятигорске, Ростове-Ярославском, Архангельске, Муроме и Нижнем Новгороде. Всё, что было приобретено в этих городах, перечислять не имеет резона. А вот как в город невест и ткачих попал томик «Езда в остров любви», печатанный 2м тиснением в 1778 году, в хорошем виде, я до сих пор не пойму. Мне эту книгу подарили ивановские автомобилисты, у которых я читал лекцию по путёвке «общества», как его называли в народе упрощённо «по распространению».

Итак, конец статистическому рассказу. 57 лет, 32 магазина в 3х крупных городах и в 22 других городах страны. Вот, что мне удалось вспомнить. Рассказал, чтобы было понятным, какой огромный труд стоит за созданной коллекцией.

Недобросовестный конкурент

Ни одна страна в мире, а значит, и не один народ не пережил в XX веке столько потрясений, сколько люди, жившие в это время в границах бывшей Российской империи. Три революции, две мировых войны, монархию, социализм, да не просто какой-то, а развитой, попытки срочно построить капиталистическое общество, почти десяток инфляций, девальваций и других финансовых явлений, явно не служа-